

ПОЛЕ ЕСТЬ, А ВОИНА НЕТ

(К постановке пьесы „И один в поле воин“ в областном драмтеатре)

Повесть писателя Ю. Дольд-Михайлика отнюдь не принадлежит к литературным достижениям. Еще в большей степени это определение относится к одноименной инсценировке с ее невыразительным языком, поверхностным раскрытием образов и упрощенным изображением лагеря врагов. Можно только выразить сожаление, что театр остановил свой выбор на столь посредственном произведении. Видимо, была надежда поправить автора, а потому мы главным образом постараемся выяснить, насколько же постановщику и артистам удалось преодолеть заведомую слабость этой пьесы.

Надо сразу сказать, что создателю центрального образа спектакля артисту В. Т. Сартакову это не удалось. Как-то слишком легко он играет роль советского разведчика (выступающего под именем барона Генриха фон-Гольдринга). По его игре зритель не может составить верного представления о том, насколько опасной и напряженной является работа разведчика в тылу врага.

Правда, здесь большая вина ложится на автора пьесы, который деятельность разведчика изображает подчас, как цепь счастливых случайностей. Вот яркий пример этому. Генерал Эверс прячет план подземного завода в сейф, но именно в этот момент он чувствует столь острый приступ боли в печени, что, оставя (случайно) сейф открытым, уходит в другую комнату принять лекарство. И в ту же минуту (ни раньше ни позже) входит Генрих и, видя сейф открытым, вынимает план и фотографирует его... Такой работа разведчика может быть лишь в наивном представлении семиклассника.

Сотрудники СД майор Кубис и капитан Заугель, можно сказать, сами лезут в ловушку к Генриху, и ему остается только ее покрепче захлопнуть. Первый непрерывно одалживает деньги у него, а второй дарит фотографию, заснятую (опять таки случайно) на фоне секретной карты.

Подобные «случайности» снижают значимость подвига советского разведчика и мельчат его образ.

И все-таки артист Сартаков мог бы сделать облик своего героя более впечатляющим. Изображая перед немцами барона, он улекается этой стороной роли и упускает другую. Надо было найти какие-то штрихи, чтоб показать постоянную настороженность, внутреннюю собранность и напряженную работу мысли разведчика. Но эта сторона двойственного образа Генриха не получилась. Мы видим на сцене только такого галантного рыцаря, который с водевильной легкостью выходит из любых затруднительных положений. Короче говоря, Сартаков — барон подавил Сартакова — разведчика.

К тому же игра артиста однотонна. Проанализируем его поведение при встречах с генералом Бертольдом и с советским полков-

ково. Но ведь в первом случае это ложь, а во втором — правда. Нужны были какие-то особо теплые краски, чтоб передать чувство радости при встрече со своим человеком вдали от Родины.

Для того, чтоб доказать, что и одному в поле можно быть воином, надо быть человеком выдающихся интеллектуальных и волевых качеств. Сартаков нам такого разведчика не показал. В его герою много внешнего обаяния, но не больше. Неудача центрального образа приглушила звучание всего спектакля.

Из врагов наиболее полно выписаны автором образы офицеров службы безопасности Кубиса и Заугеля. В первом — артист Н. И. Пестов убедительно показывает опустошенного человека, типичного ландскнехта, готового служить за деньги под любым знаменем. Этой основной задаче образа артист верен в каждой своей интонации, в каждом жесте. Например, в первой сцене Кубис еще не знает, кем в действительности является русский перебежчик, но услышав, что у него лежат миллионы в швейцарском банке, сразу прячет пистолет в кобуру, ибо для него нет достоверней аргумента, чем деньги.

Не меньшей удачей спектакля надо признать образ Заугеля в исполнении артиста М. И. Мощенского. Предельно четко обрисован этот тип оголтелого нациста и садиста. Глядя на такого «поэта допроса», как он сам себя называет, можно представить себе, какими были палачи Орадур и Лидице, Еабьего Яра и Освенцима.

В голосе Заугеля, когда он с пафосом говорит о «великом» Нитцше, появляются истерические нотки его бесноватого фюрера. А сколько яда в его интонациях, когда он, издеваясь над француженкой, заставляет повторять ненавистное ей слово «хайль».

В образе генерала Бертольда заслуженный артист Республики Л. В. Скрябин убедительно показал не только слепого исполнителя приказов вышестоящих начальников, но и предусмотрительного человека, уже подумывающего о бегстве с тонущего корабля гитлеровской Германии.

Однако трудно поверить, чтоб этот матерый волк фашистской контрразведки после одной проверки настолько доверился Генриху фон-Гольдрингу, что уже никогда больше не сомневался в его подлинности. Артисту следовало бы оттенить некоторое и вполне оправданное недоверие Бертольда к Генриху.

Артист О. А. Васильев создал сочный образ кадрового генерала Эверса, не чуждого оппозиционным настроениям. Под впечатлением поражений на восточном фронте он уже разуверился в победе гитлеровской Германии. Артист хорошо передал настроение Эверса, когда, услышав по радио о провале немецкого наступления на Курской дуге, он без сил опускается

пламенный патриотизм одного из вожakov местных партизан.

Временами Франсуа напоминает такого флегматичного резонера, изрекающего прописные истины, а не страстного борца за свободу своей Родины.

Артистке Г. С. Феоктистовой удалось выявить главное в образе Моника — ее ненависть к врагам и любовь к Франции, овеянную в ее глазах героическим ореолом Жанны д'Арк.

Надо отдать справедливость, что постановщиком В. А. Башкиным сделано многое, чтоб спектакль получился глубже и ярче, чем сама пьеса. Имеются отличные режиссерские находки. Например, диктор, передающий мысли Генриха; крапление карт Кубисом, что сразу выдает в нем морально опустившегося человека; хороши заставки из диапозитивов, символизирующие содержание отдельных картин, и т. д.

И все-таки сделать из слабой пьесы сильный спектакль оказалось невозможным.

В этой связи хочется отметить, что на этот раз театр привез нам облегченный репертуар. В нем крайне мало значительных пьес, в которых автор и артисты выступили бы, как властители дум зрителей. Если не считать чеховского «Иванова», то мы ни один спектакль даже приближенно не можем сравнить с такими творческими достижениями театра, как «Кремлевские куранты», «Именем революции», «Деревья умирают стоя».

Кстати сказать, разве не следовало бы в преддверии 90-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина возобновить в Боровичах постановку «Кремлевских курантов».

Художественная значимость репертуара театра явно снизилась, и это не может не вызывать чувства справедливой досады у зрителей!

Л. АЛЬШИЦ.